

DK 262
189
Karl M. von

№ 2.

Воскресенье, 4 Декабря 1905 г.

Цѣна 10 коп.

БУРЕЛОМЪ

Редакція: Спб., Невскій 1 2. Для личныхъ объясненій открыта по средамъ и по недѣльникамъ отъ 6 до 8 ч. вечера.

Выходить еженедѣльно

Рукописи, доставленныя безъ обознач. гонорара, считаются бесплатными. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются. Исправленіе рукописей по усмотрѣнію редакціи.

Гр. Игнатьевъ: „Мнѣ скучно, мнѣ грустно, мнѣ некому голову снать.
Въ минуты тѣсной „свободы“!
О, боги! не вѣчно-жъ я буду напрасно жепать:
Вѣдь годы проходятъ, вѣдь лучшие годы!..“

Какъ Иванъ-Дуракъ спасъ село голодное.

(Сказка).

Собирались мужички—
Мужички—не дурачки...
Стали думать: какъ имъ быть,
Гдѣ бы хлѣбушка добыть:
Нѣту сѣна, вышла рожь,
И на скотъ пошелъ падежь...
Надо сѣять—нѣтъ овса...
Заростаетъ полоса...
Горевали мужички—

Мужички—не дурачки...
— «Вонъ теперь у нашихъ баръ
«Отъ муки трещитъ амбаръ,
«И мякины, и овса!!
«Тьфу! Ихъ лѣшій забодай!!
«Эхъ, телѣга пропадай,
«Всѣ четыре колеса!
* * *

Судятъ эдакъ, судятъ такъ...
Молвилъ вдругъ Иванъ-Дуракъ:
— «Я вамъ въ горѣ помогу,
«Лишь объ этомъ ни гу-гу!»
Засмѣялись мужички—
Мужички—не дурачки...
Утромъ рано нашъ Иванъ,

Взявъ дырявый свой кафтанъ,
Вороную впредъ въ соху...
— «Ванька, дурунь! Быть грѣху!»—
Говорили мужички—
Молодежь и старички...
* * *

Ванька съ пѣсней лихой
Окачетъ по полю съ сохой...
Въ полдень онъ на вороной
Вновь явился—съ бороной...
Всѣ хихикаютъ въ кулакъ:
— «Что-жъ посѣтъ нашъ дуракъ?»
Ванька лобъ перекрестилъ,
Въ шапку пальцы запустилъ,
Началъ кукиши кидать,

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Неизданныя новеллы Боккачю.

Подъ редакціей Романа Доброго.

Новела II.

О губернаторахъ вообще и о Дольче Ромра-Dur'ѣ въ особен- ности.

Дамы и кавалеры много смѣялись предыдущей новеллѣ о чудесахъ радге Джованни. Королева была довольна, но немного смущена.

— Кому сегодня развлекать насъ? — спросила она.

— Мнѣ, ваше величество!

— Отлично, но я попросила - бы васъ быть чуть-чуть поскромнѣе, а то я опасуюсь за цѣломудріе моихъ дамъ, въ особенности кавалеровъ, — съ очаровательной улыбкой проговорила королева.

— Хорошо, ваше величество. Сегодня я расскажу вамъ о губернаторахъ вообще и о Dolce Ромра Dur'ѣ въ особенности.

...Ко всѣмъ бѣдамъ и напастямъ, шимъ, вдругъ, неизвѣстно отчего обрушиви имся на головы благочестивыхъ жителей нашей страны: трусу, гладу, мору, — прибавилась новая бѣда. Эта бѣда заключалась въ огромномъ количествѣ губернаторовъ, налетѣв-

шихъ, словно туча прожорливой саранчи. О происхожденіи и массовомъ появленіи этихъ двуногихъ насѣкомыхъ народу стало доподлинно извѣстно слѣдующее. Владѣтельные prince страны (не къ ночи будь помянуто ихъ имя) — стали замѣчать въ числѣ своихъ придворныхъ массу бездѣльниковъ, плутовъ, дураковъ, лихоимцевъ. Что дѣлать? Какъ избавиться отъ нихъ, куда ихъ дѣвать? Засадить въ тюрьму? Мѣста для всѣхъ не хватитъ, да кромѣ того они могли испортить нравственность преступниковъ. Думали-думали принцпие и рѣшили:

— Будемъ назначать ихъ губернаторами различныхъ нашихъ владѣній. Съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, кто бы ни проворовался, ни обнаружилъ особую глупость, — сейчасъ же, въ наказаніе, дѣлался — губернаторомъ.

То же случилось и съ Дольче Ромра-Dur'омъ. „Dolce“, собственно, было не имя его, а прозвище, данное ему въ насмѣшку за его свирѣлость. Онъ былъ горекъ, какъ полынь, но хотѣлъ казаться сладкимъ, какъ сахаръ.

Онъ чѣмъ-то провинился передъ своимъ принцпие и тотъ немедленно послалъ его въ Пизу. *) Такъ какъ онъ провинился особенно, то и губернаторомъ онъ былъ назначенъ тоже особеннымъ.

Взбѣшенный, точно быкъ, увидѣвшій красный цвѣтъ, явился въ Пизу сладкій Ромра-Dura-

*) Пиза — итальянскій городъ.

— Перепоротъ все населеніе! Всѣхъ избить! — загремѣлъ онъ.

— Почему? — спросилъ обыкновенный губернаторъ.

— Почему ни попало! — отрѣзалъ особосекретный „сладкій“ Ромра Dura

Взвыли горемичные пизане, послали слезную эпистолю къ ближайшему къ принцпие придворному: нельзя ли, молъ, убрать отъ нихъ «сладкаго» Ромра Dur'a? не нуженъ онъ имъ...

И получили въ отвѣтъ:

— Онъ и намъ не нуженъ.

Призадумались пизане: кому - же тогда онъ нуженъ, этотъ губернаторъ? Если принцпие не нуженъ, то пизанамъ, ужъ и подавно!

Пизане стали зорко слѣдить за всѣми проявленіями характера своего злокозненнаго губернатора, стараясь подмѣтить хоть какую-нибудь отличительную особенность его, на которой онъ могъ бы попасться, какъ рыба на ржавый крючекъ. Но, увы! «сладкій» Ромра Dura буквально ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ предыдущихъ и повсемѣстныхъ губернаторовъ: онъ былъ также глупъ, заносчивъ, чванливъ и, главное, также жестокъ.

— Во имя моего доблестнаго принцпие, — рразъ! два! три! — то и дѣло отдавалъ онъ приказъ.

Наивные пизане совсѣмъ потеряли голову.

— Какая сила можетъ избавить Пизу

И смѣяться, и рыдать...
Ванькѣ дали тумакъ
И связали Дурака...

Годъ прошелъ, тяжелый годъ..
Объединѣлъ совсѣмъ народъ:
Нѣту сѣна, вышла рожь,
И на скотъ опять падежь...
Надо сѣять,—нѣтъ овса...
Зарастаетъ полоса...

Вотъ, однажды мужичекъ—
Мужичекъ—не дурачекъ,
Съ перепугу поднялъ крикъ...
Все село сбѣжалось въ мигъ.
— «Братцы! Диво! Не могу!!

«У Ивана на лугу
«Все большіе кулаки
«На подобіе руки
«Кверху лѣзутъ изъ земли!»
— «Брось, Емеля, не мели!»
Сталъ божиться мужичекъ—
Мужичекъ—ужъ старичекъ...
Любопытство подвело:
Побѣжало все село.
— «Диво! Вѣрно—кулаки!»
Волновались мужики...
Ванька-дурень гоготалъ,
Надъ испугомъ хохоталъ:
— «Охъ, умру! Ой-ой, не въ мочы!
«Я хотѣлъ селу помочь!
«Если надо овсеца,
«Ржицы, проса и сѣнца.—
«Такъ бери себѣ кулакъ!»—
Говорилъ Иванъ-Дуракъ...

Почесались мужики,
И взялись за кулаки...
В. Трофимовъ.

Ночной смотръ.

(Съ немецкаго).

Въ двѣнадцать часовъ по начамъ
Изъ гроба встаетъ провакаторъ
И ходитъ онъ взадъ и впередъ
На мѣстѣ удачнаго взрыва,
И рѣзкою трелью свистка
Лихую опрличнину будить.
Встаютъ молодцы-палачи,
Жандармы встаютъ и шпіоны.
Встаютъ съ петербургскихъ торцовъ,
Съ роскошныхъ паркетовъ пріемныхъ,
Съ асфальтовыхъ улицъ Москвы
И съ лѣстницъ финляндскаго сейма.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ

Встаетъ изъ могилы фонъ Плеве.
На немъ сверхъ мундира пальто
И кипа доносовъ въ портфель.
Въ разбитой каретѣ своей
Онъ медленно ѣдетъ по фронту
И Сахаровъ ѣдетъ за нимъ,
Сипягинъ, Эсъ-А, Боголѣповъ...
И черныя сотни вождя
Восторженнымъ кликомъ встрѣчаютъ,
И съ музыкой мимо него
Проходятъ полки хулигановъ.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ
И Трепову на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ.
«Реакція»—вотъ ихъ пароль
И лозунгъ—«Святая Нагайка».
Такъ часто къ колоннамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ полусгнившій фонъ-Плеве.

Перевелъ за Жуковскаго
И. Гурвичъ.

Изъ альбома

записала иностранца.

По спискамъ храбрыхъ кавалеровъ
Есть Алексѣевъ адмиралъ;
Хотя онъ доблести примѣровъ
Въ войнѣ японской не являлъ,
Но третьей степенью увѣшанъ,
И справедливо награжденъ,—
Въ Россіи есть такой законъ:
«Тѣхъ чтить, кто долженъ быть повѣшенъ!»
Забрало.

отъ этого тирана?.. — въ ужасѣ шептали они.

А Ромпра Дуга блаженствовалъ и на спинахъ горожанъ вымещалъ злобу за свою губернаторскую ссылку.

Дабы пизане не могли сноситься съ жителями другихъ городовъ, Ромпра Дуга объявилъ Пизу въ осадномъ положеніи, хотя никакой войны, никакихъ враговъ не было.

Надъ Пизой всходила кровавая губернаторская заря.

Повсюду шныряли Ромпра Дуг'скіе шпіоны-слуги, насиловавшіе женщинъ, грабившіе имущество горожанъ, кричавшіе:

— Этого хочетъ принцпе и нашъ добрый, сладкій Ромпра Дуга!

Несмотря на трудность дороги въ Пизу, гуда пробралась изъ другой мѣстности одна отважная, великолѣпная женщина.

О, какъ она была красива, эта женщина! Лицо ея, скорбное, негодущее, было полно чарующей прелести, и какая-то высокая, свѣтлая мысль горѣла въ ея дивныхъ глазахъ...

Въ красномъ плащѣ, гордая, величавая она, одолѣвъ тысячу преградъ, вошла въ Пизу.

— Рабы! — бурно заговорила она пизанамъ.—Вы, храбрые, вы—толкующіе о свободѣ, вы терпите постыднѣйшій гнетъ! И не стыдно вамъ? Неужели среди васъ не нашелся никто, кто-бы сумѣлъ отплатить Ромпра Дуг'у за всѣ его оскорбленія? Такъ знайте-же, это сдѣлаю—я!

Чудно хороша она была въ эту минуту!

Ея глаза горѣли нестерпимымъ блескомъ и распахнувшійся красный плащъ обнажалъ прелестную фигуру съ гордо вздымавшейся грудью.

— О, благодатная!—вскричали пизане,— наврядъ-ли тебѣ удастся усмирить дикую необузданность проклятаго губернатора!

Несмотря на свою сладость, — онъ не таетъ передъ женской красотой...

Таинственная женщина въ красномъ плащѣ усмѣхнулась:

— Есть у меня, трусливые пизане, особая сила, особая чары. И страшны, и хороши эти чары. Всю душу страданій народа вложила я въ нихъ оттого онѣ непобѣдимы. Не тѣломъ своимъ, какъ блудница, завоюю я вамъ свободу, а обаяніемъ и пламенемъ моихъ глазъ. Ведите меня къ Ромпра Дуг'у!

Ее повели, эту красивую, гордую женщину, какъ добровольную жертву закланія.

Ромпра Дуга обдумывалъ новыя пытки для пизанъ. И когда предъ нимъ предстала ослѣпительно-красивая женщина въ пурпурномъ плащѣ, онъ задрожалъ. Онъ и страшился, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, что эта женщина его побѣдитъ.

— Кто ты?—закричалъ онъ.—Ты такъ красива, но такъ страшна... Отчего на тебѣ этотъ красный плащъ?

— Этотъ плащъ былъ бѣлый сначала, о великолѣпный Ромпра Дуга, но онъ упалъ въ тѣ потоки крови, которые ты и тебѣ подобные губернаторы пролили на

всѣхъ площадяхъ и дорогахъ!

И она все ближе и ближе стала подходить къ всеильному повелителю Пизы.

— Santa Maria! что тебѣ нужно отъ меня?—закричалъ ужаснувшійся Ромпра Дуга.—Я служу моему принцпе и во имя его проливаю кровь...

— Ласкать тебя... и заласкать тебя моими ласками—прерывистымъ голосомъ заговорила женщина.—Смотри, я снимаю плащъ! Хороша я? И я буду цѣловать тебя, сладкаго, до тѣхъ поръ, пока ты не растаешь!

И она бросилась на него и стала покрывать его своими пламенными поцѣлуями. Одинъ... другой...

Сладкій Ромпра Дуга началъ таять.

— О, если бы я зналъ прежде твою силу... я служилъ бы только тебѣ, очаровательная женщина... лепеталъ онъ, подъ ея огненными поцѣлуями.

— Хорошо тебѣ, о всеильный?

Отвѣта не было...

Пятый поцѣлуй... и страшный Ромпра Дуга растаялъ.

Лужа липкой жидкости осталась вмѣсто всеильнаго губернатора.

Такъ была освобождена Пиза, а въ благодарной памяти народа и по наши дни сохранился чарующій обликъ женщины-освободительницы въ красномъ плащѣ.

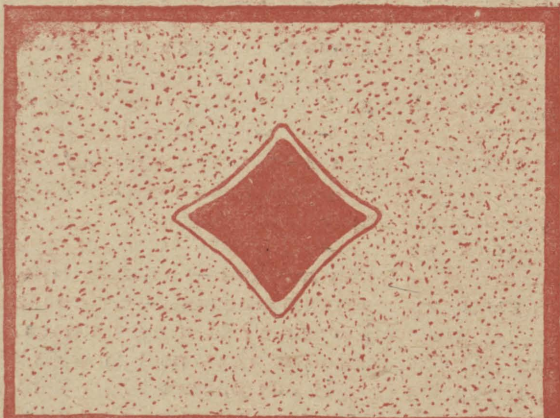
(Слѣдующая новелла въ № 3).

Когда придетъ къ тебѣ вѣсть
Особенно лихвой масти,
Ты жди несчастья и бѣды
И всякой злой себѣ напасти.

Въ ладони вѣры изъ нѣтъ законовъ
Въ немъ не предложенья закона:
Король бу... изъ всѣхъ патроновъ
Препятствуй патронъ.

Милый турбубновъ
Силой манифеста
Изъ колодезной
Недешней мѣста.

На чердакъ.

Перебравъ на чердакъ,
Я скучалъ немножко,
Но случится-жъ надо такъ,
Что мое окошко
Выходило въ плацъ-парадъ..
Слышалъ разъ по двѣсти:
—«Шагъ впередъ! Маршъ! Пять назадъ!»
Двадцать два на мѣстѣ!

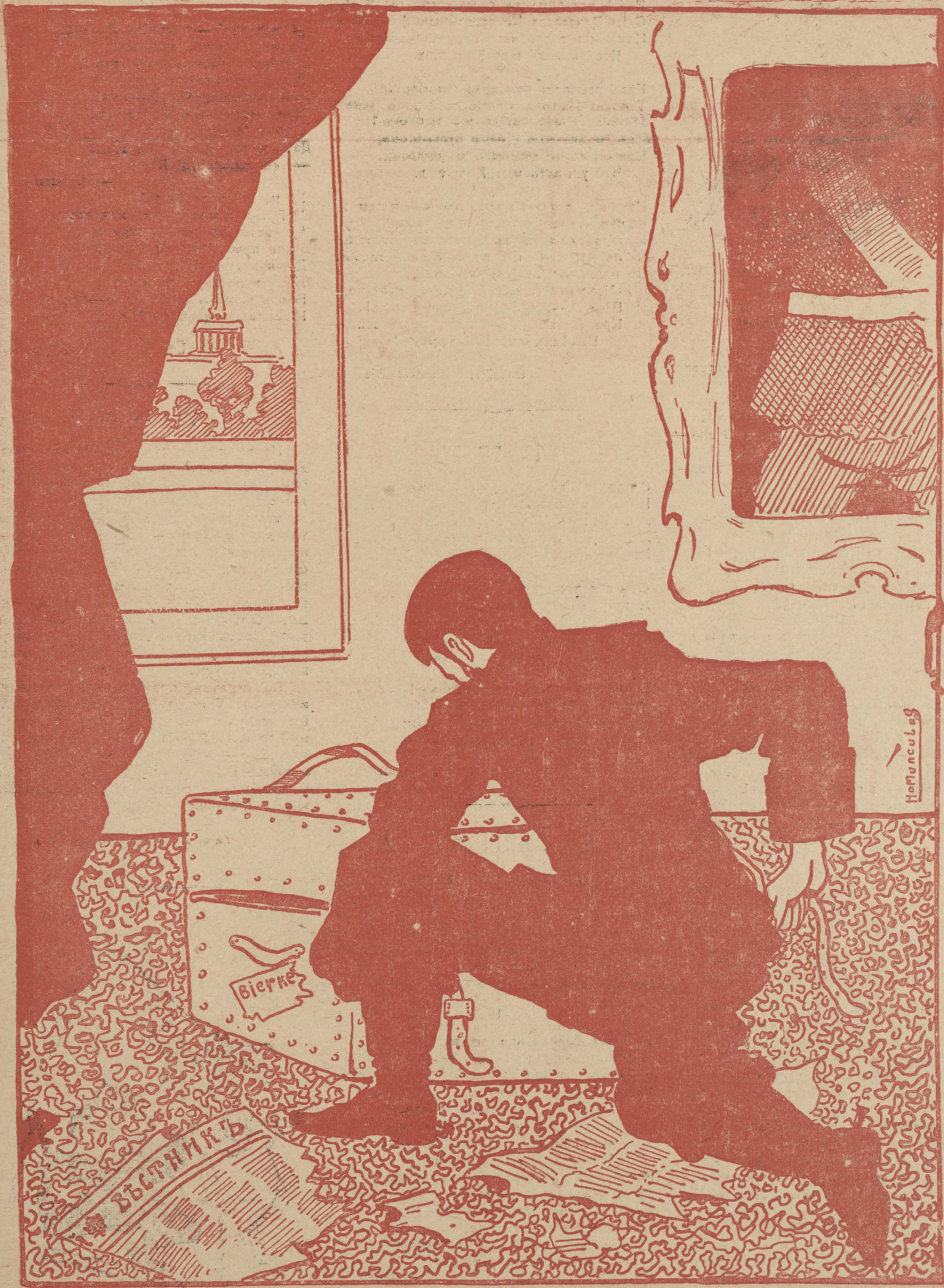
* * *

Я мечталъ: вотъ дожилъ я
До желанной эры;
Ярко вспыхнула заря
Для свободной вѣры..
Заживутъ, какъ съ братомъ братъ,
На Руси всѣ вмѣстѣ..
—«Шагъ впередъ! Маршъ! Пять назадъ!»
Двадцать два на мѣстѣ!

* * *

Всколыхнулась печать:
Ей дана свобода;
Смѣло можно обличать
Всѣхъ враговъ народа,
Говорить не наугадъ
Правду и безъ лести..
—«Шагъ впередъ! Маршъ! Пять назадъ!»
Двадцать два на мѣстѣ!

Трофимовъ.

Красный фонарь.

(Письма неунывающих бюрократов.)

Смутой окутало землю родную,
Банкъ государственный бѣденъ—какъ грекъ,
Врагъ одесную стоитъ и ошую...
Вскую вы насъ искушаете? Вскую?!
Вотъ—на четыре свободы вамъ чекъ!..
Что унывать намъ?.. И нынѣ и присно,—
Вѣрьте,—все будетъ, какъ встарь!
Красное знамя для насъ ненавистно,—
Вывѣсимъ красный фонарь!..

Нѣтъ обольстительнѣй этой эмблемы—
Древней эмблемы свободной любви,
Многимъ пѣвцамъ навѣвавшей поэмы!..
Всѣ продаемъ по сходной цѣнѣ мы—
Вѣрны девизу: «Держи и лови!»
Что унывать намъ?.. и т. д.

Трудно-ль во мракѣ сманить отъ пенатовъ
Намъ правового порядка друзей,
Либерализма облѣзлыхъ кастратовъ,
Падкихъ на красное все демократовъ,
Конституционныхъ началъ звонарей?!
Что унывать намъ?.. и т. д.

Что намъ всѣхъ партій россійскихъ плат-
формы!

Смѣло сойти мы готовы за дѣвѣ!..
Наши роскошныя зрѣлыя формы
Будятъ восторгъ, выходящій изъ нормы;
Ласки погасятъ стыдъ, совѣсть и гнѣвъ...
Что унывать намъ?.. и т. д.

Будетъ слыть нашъ кабинетъ «пансіономъ»
(Только безъ древнихъ, увы, языковъ),
Витте—«мамашей» хозяйничать въ ономъ,
«Братцами» звать примирительнымъ тономъ
Правыхъ и лѣвыхъ, друзей и враговъ...
Что унывать намъ?.. и т. д.

Мало насъ?! Полноте, полноте! Что вы?!
Носъ генераль-адъютантамъ утремъ!
Есть и Ламздорфы у насъ, и Шиповы,
И Немѣшаевы, и Бирилевы,
Въ грязь Дурново не ударить лицомъ!..
Что унывать намъ?.. и т. д.

Ласки, проекты, напитки, восторги
И обѣщаній шипучій потокъ...
Каждый—за храбрость заслужимъ «георгій»;
Міръ удивимъ мы свободою оргій,—
Въ нихъ превзойдемъ даже Дальній Во-
стокъ...

Что унывать намъ?.. и т. д.

Намъ-ли смущаться, что — въ праведномъ
гнѣвѣ—
Дерзкій рабочій народъ намъ грозитъ!

Развѣ уступимъ въ безстыдствѣ мы дѣвѣ?!
Самъ Вячеславъ Константиновичъ фонъ-Плеве
Намъ изъ загробнаго царства кадитъ!..
Что унывать намъ?.. и т. д.

Какъ усмирять бунтарей-санкюлотовъ,
Треповъ-Малюта завѣтъ свой далъ намъ...
Мало-ль у насъ казаковъ-патріотовъ?!
Если не хватить у насъ пулеметовъ,
Черныя сотни пошлемъ по домамъ!..
Что унывать намъ?.. и т. д.

Нуте жъ, дружныя запоемте всѣ разомъ:
«Боже, своихъ бюрократовъ храни!
Боже, затми всѣхъ людей честныхъ разумъ!..
Да не моргнемъ мы предъ ними и глазомъ
Въ наши свободолюбивые дни!..
«Что унывать намъ?.. И нынѣ, и присно,—
Вѣрьте,—все будетъ, какъ встарь!
Красное знамя для насъ ненавистно,—
Вывѣсимъ красный фонарь!»

Евстигней Нагайкинь.

Къ народу!

Сверкнулъ свободной лучъ денницы,
Народъ къ сознанью пробудилъ...

Пальба... Рѣзня... Полны темницы
И безконеченъ рядъ могилъ.

Отъ захолустья до столицы
Могучій крикъ бойцовъ летѣлъ...

Пальба... Рѣзня... Полны больницы
Полуживыхъ разбитыхъ тѣлъ...

Впередъ за правду безъ боязни!
Впередъ, народъ, ты побѣдилъ!
Тебѣ не страшенъ призракъ казни
И безконечный рядъ могилъ!

В. Т—овъ.

Брызги дня.

(Изъ всероссійской эпопеи.)

I.

Онъ регрессу не мѣшаетъ;
Потому и тамъ, и тутъ
Всѣ его—какъ подобаетъ
Немѣшаевымъ зовутъ.

II.

«Есть свободная наличность!..
Счастливъ, веселъ и здоровъ
Въ кладовую банка входитъ
Милый Ваничка Шиповъ.

Передъ нимъ—мѣшки рядами,
Словно бодрый строй полковъ...
— «Развязать!..
Молвить Ваничка Шиповъ.
Развязали... «Что-жъ въ нихъ только
Груды мѣдныхъ пятаковъ?!..
Хмурить брови, изумляясь,
Храбрый Ваничка Шиповъ.

— «Вся свободная наличность!»
Злой отвѣтъ ему готовъ.
«Было жъ золото!..
Бѣдный Ваничка Шиповъ!..

III.

«Н-недурно!»—крикнулъ Дурново,
Садясь на тронъ министра:
«Карьеру, такъ сказать, тово...
Я сдѣлалъ очень быстро!
Изъ полицейскихъ да—сюда...
Какъ мудръ великій Витте!..
Народъ свободы ждетъ... Н-ну, да!..
Дать всѣмъ имъ aquae vitae!..
— «А конституція?»

— «Согнемъ»

Ее мы въ рогъ бараний
И Русью править такъ начнемъ,
Что даже за-поясъ заткнемъ
Быль плевевскихъ преданій!..
Да, недурень Пьеръ Дурново
И въ милости, и въ гнѣвѣ!
Боюсь я, какъ бы съ нимъ—тово
Не сдѣлали, какъ съ Плеве!..

Внукъ своего дѣда.

Въ учебномъ мірѣ.

На собраніи союза родителей и преподавателей средней школы прочитано было, между прочимъ, заявленіе институтокъ Ксе-нинскаго Института, требующихъ реформъ въ этомъ учебномъ заведеніи, и въ числѣ таковыхъ реформъ — измѣненій въ покроѣ институтскаго платья, въ особенности же отмѣны предосудительнаго съ нравственной стороны правила, чтобы институтки, носящія въ обыкновенное время пелерины, снимали таковыя и являлись въ декольте во время посѣщенія Института Главноуправляющимъ Вѣдомства, графомъ Протасовымъ-Бахметевымъ (73 лѣтъ).

По слухамъ, предполагено требованія институтокъ исполнить и отъ обязательнаго декольте ихъ освободить; въ видахъ же огражденія интересовъ г. Главноуправляющаго,—обязать начальницу института, а также всѣхъ классныхъ дамъ являться во время его посѣщеній декольтированными и безъ пелеринъ.

Сообщилъ Кунинъ фонъ деръ Розенъ.

Два жандарма.

(По Гейне. Музыка Шумана).

Съ Морской два дежурныхъ жандарма
На Мойку устало брели
И оба душой приуныли
Завидѣвъ Казанскій вдали,
Померкла старинная слава
Донцовъ, разудалыхъ ребятъ.
Гдѣ бойко свистали нагайки,
Тамъ красные флаги шумятъ.
Любуясь печальной картиной,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: «Братъ,
Разжался кулакъ мой безсильный,
Усталыя мышцы болятъ».
Другой отвѣчаетъ: «Товарищъ,
И мнѣ бы въ отставку пора,
Довольно грѣховъ накопилось,
На совѣсти, словно гора!
Да что, наплевать мнѣ на совѣсти!
Я съ твердостью встрѣчу судьбу,
Иная на сердцѣ забота—
Что вылетѣлъ Треповъ въ трубу!
Исполни завѣтъ мой, коль здѣсь я
Окончу жандармскіе дни:
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Въ охранное, тамъ схорони.
Ты киверъ съ султаномъ жандармскимъ
Надвинешь мнѣ крѣпко на носъ,
Нагайкой меня опояшешь
И всунешь мнѣ въ руки доносъ.
И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ въ засадѣ, въ гробу.
Заслышу я топотъ казачій
И гвардіи храброй пальбу.
То Треповъ диктаторомъ ѣдетъ,
Нагайки побѣдно свистятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, шефъ жандармовъ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!

Квакъ.

Графъ Витте и Свобода

(На мотивъ «Амуръ и Мудрость» Жуковского)

Свобода съ облаковъ на землю опустилась,
Но на Руси она худой пріемъ нашла.
Въ раздумьи у рѣки она остановилась —
Погода бурная была.
У берега челнокъ, а въ челнокѣ графъ Витте...
Не знаетъ, плыть иль нѣтъ? А онъ ее ма-
нилъ!
Рѣшилась! Поплыли... И графъ ее сердито
Въ потокахъ крови утопилъ.

Не-Жуковский.

Къ дѣлу Шабельской.

Одинъ изъ свидѣтелей. Ахъ, г. предсѣ-
датель, г-жа Шабельская, сорвавъ съ ме-
ня деньги, не устроила въ казну мой
спиртъ...

Предсѣдатель. (укоризненно, Шабель-
ской) Ай-ай-ай!..

Шабельская. (возмущенно, но и элги-
чески-грустно) Прошу г. предсѣдателя не
забывать, что я была „товарищемъ“ това-
рища министра, а не супругой министра
финансовъ.

Гуманность.

Безсмысленны звѣрства,—твердила печать:
Зачѣмъ заставлять бесполезно страдать?
Оружіе нужно такое,
Чтобъ вывести только изъ строя,
Чтобъ, пулей пронизанный, могъ человѣкъ,
Отвѣдавъ больницы покоя,
Библейскій прожить послѣ этого вѣкъ...
И вотъ—пулеметная рота
Людей обращаетъ въ рѣшета.
Безсмысленны звѣрства,—рѣшаетъ конгрессъ,
Собравшись подъ сѣнью фламандскихъ небесъ.
Съ удушливымъ ядомъ снаряда
Для гибели ближнихъ не надо!
И послѣ конгресса явился лидить.
Волной смертоносного яда
Сметалъ славныхъ буровъ гуманнѣйшій
бриттъ.

Союзникъ же гордаго бритта
Слалъ русскимъ гостинцы лидита.
Безсмысленны звѣрства! Но если народъ,
Расторгнувшій узы, знамена несетъ
И пѣсни поетъ о свободѣ,—
Такой безпорядокъ въ народѣ
Терпимъ ли? Патроновъ не должно жалѣть!
Какъ смѣетъ народъ веселиться и пѣть,
Когда бюрократія плачетъ,—
Пускай его залпъ озадачитъ!
Когда-жъ черносотенцы тучей текутъ,
Дубины, ножи и оглобли несутъ,
Да кстати портреты и флаги!
То слава подобной отвагѣ!
На звѣрстваспособенъ ли этотъ народъ?
Немножко прибѣтъ, кое-что разнесетъ...
Пускай погуляетъ немного,
Нельзя же судить его строго!
Слугъ вѣрныхъ такъ мало осталось теперь.—
Такъ что-жъ что потѣшится преданный звѣрь.
Безсмысленны звѣрства! Гуманнѣйшій вѣкъ!
Купается въ теплой крови человѣкъ.

Забрало.

Сны маленькаго Вани.

Повсюду стонъ... Вездѣ проклятья...
Земля отъ ужаса дрожить...
Смѣется смерть, раскрывъ объятья...
А кровь бѣжитъ... бѣжитъ... бѣжитъ...
Гдѣ струйкой нѣжной, гдѣ потокомъ,
А гдѣ широкою волной...

— „Кровь, милый, видѣть ненавистно
Къ свиданью съ близкою родней.“

Плетутся дроги... Вереница...
Чу! Погребельный слышенъ звонъ...
Идутъ невѣдомыя лица...
Гробы... гробы со всѣхъ сторонъ...
Въ нихъ мертвецы! Мнѣ страшно, няня!
Опять тѣла! Имъ нѣтъ конца!

— „Христосъ съ тобою, милый Ваня:
Къ погодѣ видѣть мертвеца!“

В. Т—овъ.

Разница.

В. Какая разница между кабинетомъ...
единенія и кабинетомъ министровъ?
О. Въ первомъ сидитъ тотъ, кому нужно;
во второмъ—тотъ, кому не нужно.

Правительственное сообщеніе.

Нѣтъ аграрнаго движенія
Въ войскѣ не было броженія;
Всюду миръ и тишина;
Всѣмъ амнистія дана;
Дума скоро соберется;
Беззащитныхъ кровь не льется;
Сытъ измученный народъ,
И не страшень недородъ;
Нѣту болѣе цензуры,
И не будетъ диктатуры,
Графъ Игнатѣвъ далеко;
Рента наша высоко;
Нѣтъ погромовъ, нѣту драки;
Не безчинствуютъ казаки;
Флотъ спокоенъ и могучъ;
Всѣмъ блеснулъ свободный лучъ;
Красный цвѣтъ уже не въ модѣ;
Забастовокъ нѣтъ въ народѣ;
Всюду слезы оттого,
Что уходитъ Дурново;
Нѣту обысковъ, арестовъ,
«На бумагѣ» манифестовъ;
Всюду миръ и тишина
И свобода всѣмъ дана.

Въ наши дни.

(Изъ кошмаровъ жизни.)

Люди-ли это, иль тѣни
Всюду стоятъ предо мной?
Слышатся жалобы, пени,
Стоны тревоги больной.
Тянутся блѣдныя руки
Къ свѣту изъ мрака ночей;
Полны страдальческой муки
Взгляды молящихъ очей;
Впалыя, чахлыя груди;
Голодь, болѣзнь и нужда...
Люди, вѣдь, это все, люди
Тяжкой борьбы и труда!..
Вижу толпы за толпами,—
Праздникъ на улицѣ ихъ;
Стройнымъ идутъ рядами;
Хоръ голосовъ молодыхъ...
Солнце лучи съ небосклона
Щедро и властно дарить;
Красныя рѣютъ знамена,
Пѣснь возрожденія звучитъ...
Нѣтъ ихъ счастливей на свѣтѣ:
Идутъ—толпа за толпой..
Дѣти вѣдь это все, дѣти
Нашей Свободы родной...

Нѣтъ и конца ликованья,—
Вспомнить ли кто про нужду!
Всѣ ихъ сбылись упованья...
Слава—борьбѣ и труду...
Что-жъ это?.. Залпъ раздается!
Грозно сверкаютъ штыки;
Кровь, кровь на улицѣ льется
Давятъ народъ казаки...
Крики и стонъ, и проклятья;
Залпы—вблизи и вдали...
Стойте!.. Вѣдь это-жъ все братья,
Дѣти все Русской Земли!..

Тѣни, кровавыя тѣни,
Идутъ сплошною стѣной,
Трона шатаютъ ступени;
Слышится кличъ боевой...
Дерзкія руки подняты,
Грозныя рѣчи звучатъ;
Въ страхѣ дворцы и палаты,
Труссы-тираны дрожатъ...

Хоть памятникъ себѣ водвигъ я рукоблудный
Но все-жъ не зарастетъ изъ нему народная тропа!...

«Къ вамъ беспощадны мы будемъ!» —

Окликъ несется туда:

«Прочь вы!.. Дорогу—всѣмъ лю-
дямъ»

Правды, борьбы и труда!..»

Николай Варенцовъ.

ХРОНИКА

По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Дурново всѣмъ добровольцамъ, работавшимъ на почтѣ, будутъ выдачны особые дипломы, отпечатанные на старыхъ штемпельныхъ конвертахъ—съ надписью—«спасителю отечества отъ Дурново». Дипломы эти будутъ давать пожизненное право посѣщенія 5 коп. бань, для чего предполагается въстроить нѣсколько казенныхъ бань и для предварительныхъ «изысканій» уже отпущено пока только 100000 руб.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ намъ сообщаютъ, что Е. А. Шабельская снова рѣшила заняться автрепризой, для чего уже заарендовала одинъ изъ лѣтнихъ увеселительныхъ садовъ. Старшимъ распорядителемъ будетъ В. И. Ковалевскій. Завѣдывать отдельными кабинетами приглашенъ полковникъ Вережкинъ, нынѣ завѣдывающій отдельными казематами въ Петропавловской крѣпости, какъ опытный специалистъ по сохраненію всякаго рода тайнъ.

Вновь назначенный редакторъ «Правительственнаго Вѣстника», членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати ст. совѣтн. С. С. Татищевъ, знакомый 30 ноября со своими сослуживцами, въ своей рѣчи, между прочимъ, заявилъ, что изъ этого почтеннаго органа онъ рѣшилъ «дѣлать литературно-

политическую газету, а потому въ первыхъ же ММ. будутъ помѣщены воспоминанія г. Татищева, о томъ какъ въ бытность его секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, таинственно пропали 32000 руб. посольскихъ денегъ и затѣмъ цѣлый рядъ воспоминаній о дѣятельности его въ Лондонѣ, какъ «финансоваго» агента министерства финансовъ. Газета обѣщаетъ быть интересной.

Репертуаръ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

1) «Отъ преступленья къ преступленью». Драма *Видимирова*.

2) «Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ». Вод. *Николаева*.

НАРОДНЫЙ ДОМЪ.

«Летучій Потемкинъ» — большая опера съ процессіями матросовъ, сраженіями и т. д. Муз. *Алексѣя Александрова*.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

«On ne badine pas avec... la flottes!». Comedie nouv. par M-me *Balleta*.

ТЕАТРЪ ЯВОРСКОЙ.

Полнымъ ансамблемъ еврейской труппы: «Русская р. воллюція».

ЗАЛЪ ПАВЛОВОЙ.

Великосвѣтскими любителями представлена будетъ мелодрама:

«Ограбленная почта».

Къ читателямъ.

1) Редакція намѣрена откликаться на всѣ выдающіяся явленія текущей жизни и на страницахъ журнала отмѣчать перомъ и карандашомъ всѣ тѣ факты общественной жизни, которые такъ или иначе могутъ явиться «знаменіемъ времени».

2) Редакція *приглашаетъ* читателей сообщать подобные факты, не стѣсняясь формой изложенія. Всякое сообщеніе, содержащее общественный интересъ, будетъ принято съ признательностью и использовано.

3) Могутъ быть прилагаемы фотографическіе портреты, которые, по минованіи надобности, будутъ возвращены доставившему.

4) Корреспонденція должна быть адресована на имя редактора-издателя.

Къ свѣдѣнію авторовъ

1) Рисунки и каррикатуры желательны не въ законченномъ видѣ, а въ *эскизѣ*, для *совмѣстнаго обсужденія* ихъ съ редакціей, которая со своей стороны можетъ предложить свои темы.

2) Лучшее исполненіе предложенной темы редакціей, будетъ *премировано*.

3) Рукописи должны быть, помимо псевдонимовъ, снабжены фамиліей и адресомъ автора.

4) Для личныхъ переговоровъ и обсужденія темъ, редакторъ принимаетъ по *Понедѣльникамъ* и *Средамъ* отъ 6 до 8 ч. вѣч. въ помѣщеніи редакціи (*Невскій 1 2*).

Редакторъ-Издатель Г. П. ЭРАСТОВЪ.

Burelomm

no 1-3 and

Christmas no.

№ 1.

Воскресенье, 18 Декабря.

Цѣна 10 коп.

DK 26 2
.R 4
Raw 4K. com

БУРЕЛОМЪ

Еженедѣльный литературно-сатирический журналъ.

Редакция: С.-Петербургъ, Невскій 102. Для личныхъ объясненій открыта отъ 6 до 8 час. вечера.

СПБ.
КЮСКИ
В. А.
ПТАШНИКОВА
Цѣна 10 коп

Отдавалъ онъ прежде душу
Всю тебѣ, о море,
Перешелъ теперь на сушу
На людское горе.

Хоть ему и будетъ вновь
На сухомъ просторѣ,
Но и тамъ потоки крови
То же море . . . море.

Къ своему народу.

(Монологъ изъ недоконченной исторической драмы).

Властитель я! А еслибъ знали вы,
Какъ мнѣ ступени трона ненавистны,
Какъ бѣдняку завидовать готовъ,
Какъ мнѣ тяжка властителя корона!
Пускай меня властителемъ зовутъ,
Но къ подданнымъ своимъ я обращаюсь:
Забудьте вы, что я властитель вашъ,
Хоть разъ во мнѣ признайте человѣка!
Открыто я предъ вами сознаюсь,

Что своего не знаю я народа...
Кругомъ меня низкопоклонство, лесть,
Вражда и ложь, придворныя интриги...
Народу дать я счастье хочу,
Ему даю желанную свободу,
Но дѣлаютъ совѣтники мои
Врагомъ меня, преступникомъ у власти...
Всѣмъ существомъ хочу я правду знать,
Но кто же водворитъ мнѣ правду скажетъ?!
Роскошный мой дворецъ—темницей мнѣ,
Совѣтники мои—тюремной стражей...
Я долженъ быть всегда спокоенъ, гордъ,

Вставать, сидѣть всегда по этикету..
Но, вотъ, когда останусь я одинъ
Съ самимъ собою съ глазу-на-глазъ ночью,
Я чувствую безсиліе свое..
И долго я слезами заливаюсь:
Зачѣмъ властитель царства я,
А не простой и бѣдный пролетарій!
Я долженъ жить не такъ, какъ я хочу!
Какимъ хочу—не смѣю быть къ народу!
Забудьте жъ вы, что я властитель вашъ—
Хоть разъ во мнѣ признайте человѣка!

Т—овъ

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Фаустъ.

Музыка Гуно.

ДѢЙСТВІЕ I.

Лица:

Фаустъ—графъ Витте.

М. Фистифаль—графъ Итатъевъ.

Сцена представляетъ готическій кабинетъ со сводами. Съ потолка свѣшивается чучело Булыгина. На полкѣ, въ банкѣ со спиртомъ, василискъ-бѣдоносецъ. У кресла на полу, вмѣсто ковра, шкура Трепова. Кругомъ засушенные проекты конституцій. На стѣнахъ прибитыя желѣзными гвоздями разныя свободы. Вслѣдствіе забастовки электричества, кабинетъ освѣщенъ только тусклой мигающей лампадкой.

При поднятіи занавѣса, Фаустъ сидитъ въ креслѣ, въ графской коронѣ и въ задумчивости, читая послѣднее правительственное сообщеніе.

Фаустъ.

Нѣтъ! Тщетно я ищу
Понять умомъ пытливымъ,
Что значить эта чушь!
Увы, не сокращу
Писаньемъ хлопотливымъ
Волнующихся душъ.

Сколько перьевъ мы изломали,
Что воззваній мы разослали,
Даже къ черни обращались мы такъ
любезно...

Все бесполезно!
Довѣрять нѣтъ,
Финансовъ нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

Встаетъ съ кресла и колеблющимися шагами подходитъ къ окну.

Какъ пусто вокругъ! Уснулъ городской.
Бредеть усталый Янжуль-письмоносецъ.
Едва горитъ прожекторъ боевой
И грозно смотритъ шведскій миноносецъ.

О Русь, когда же мнѣ дашь ты успокоенье?

Не хочешь, такъ найду вотъ здѣсь
себѣ забвенье!

Беретъ въ руки со стола чашу и наполняетъ ее прозрачной жидкостью изъ бутылки съ казеннымъ ярлыкомъ.

Привѣтъ тебѣ, послѣдній день!
Съ восторгомъ я тебя встрѣчаю,
Исчезнетъ злобной смуты тѣнь,
Лишь эту чашу я скончаю.
Съ напиткомъ этимъ я сумѣю
Наперекоръ пойти судьбѣ,
Схвачу я родину за шею
И водкой подчиню себѣ.

За окномъ раздается хоръ женскихъ голосовъ. Фаустъ прислушивается, трепещетъ, чаша дрожитъ въ его рукахъ.

(СУ)

Хоръ.

Что ты спишь, Россія,
Утро настаетъ,
Солнце новой правды
На небѣ встаетъ.
Сбрось свои оковы,
Требуя свободъ,
Встань, въ сознаньи права,
Рабочій народъ.
Старые устои
Рушились во прахъ,
Зарево свободы
Блещетъ въ небесахъ.

Фаустъ.

Что я слышу, какая дерзость?
Зачѣмъ ты спишь, городской?
Городовой! Ты слышишь вой?

А ты, о чаша предковъ,
Не разъ полна бывала,
Зачѣмъ же теперь, подъ конецъ,
Въ рукѣ моей ты задрожала?

Подходитъ къ суфлерской будкѣ и сотрясаетъ кубокъ, который у него въ рукѣ. Изъ кубка, однако, ничего не проливается, потому что онъ пустъ, какъ государственное казначейство.

За сценой хоръ мужскихъ голосовъ.

Хоръ рабочихъ.

Ночныя тѣни улетаютъ,
Въ послѣдній бой насъ вызываютъ,
Подъ краснымъ знаменемъ свободы
Скорѣй на битву поспѣшимъ.
Долой враговъ, долой насилие,

* * *
Въ душѣ ни страха, ни боязни
Движенья рабской суеты!
— Долой нагайки и кнуты!
Долой убійственныя казни!

* * *
Цѣною жертвъ среди препонъ,
Цѣной борьбы кровопролитной
Гнетъ произвола неизбитый
На смерть и гибель пораженъ!..

* * *
Зло беззаконій средь закона
Народу стало нестерпежъ;
Открылась дерзостная ложь—
Крамола властной оборона.

* * *
Пресѣклись темные пути
Къ глухимъ притонамъ дѣлъ преступныхъ!
Ждетъ кара лъстивыхъ и подкупныхъ
Слѣпыхъ приверженцевъ плети.

* * *
Не туча темная идетъ,
Не бури мчится вихрь летучій,
Возсталъ свободный и могучій
Въ правахъ уравненный народъ!

* * *
Пора пришла поднять чело
Склоненной въ низкомъ рабствѣ воиъ
И видѣть силы молодая,
И въ смертныхъ судорогахъ зло!

Леонидъ Афанасьевъ.

Правительственное сообщеніе.

(За недѣлю).

Все идетъ безъ измѣненія:
Нѣтъ реакціи стѣсненія,
И безъ крови пять свободъ
Получаетъ нашъ народъ.

Пусть произволъ опуститъ крылья,
Святымъ огнемъ горятъ народы,
И тотъ огонь неугасимъ.

*Фаустъ. Взмахнувъ захлопываетъ окно,
опускаетъ чашу на столъ, комкаетъ сообще-
ніе, нервно топчетъ ногами шкуру Трепова.*

Фаустъ.
Что за вздоръ! Даль я пять свободъ!
И этого имъ мало?
Иль ошалѣлъ народъ?
Иль мнѣ начать сначала?
Нѣтъ, шлю я вамъ проклятье,
Эсеры и кадеты,

Будь прокляты союзы,
Будь прокляты газеты!
Проклинаю Милюкова и Гучкова,
Проклинаю Трубецкаго и Шипова!
Повернуть хочу назадъ я, къ старинѣ...

*Диктаторъ! Ко мнѣ!
Громъ, скверный запахъ, изъ подполья,
усильями камариллы, выдвигается Ипатьевъ.*

Мефистофель.
Вотъ я здѣсь! Чему же дивиться?
На зовъ поспѣшилъ я явиться.
Нагайка со мной,
Штыки за спиной,
Пулеметы въ запасъ,
Я весь предъ тобой безъ прикрасы...

*Сходитъ съ трапа и непринужденно про-
гуливается по сценѣ, изрядка постреливая
въ публику изъ брелока-пулемета.*

Сейчасъ, въ тиши
Ты подпиши.

Стихъ мятежъ въ Остзейскомъ краѣ,
Тамъ блаженствуютъ, какъ въ раѣ,
Вздорный слухъ прошелъ о томъ,
Будто въ Ригѣ былъ погромъ...
Смуты нѣтъ у новобранцевъ;
Хвалятъ насъ у иностранцевъ:
Что въ Россіи-де солдаты
Образованы и богаты.
Наше злато изъ столицы
Не веземъ мы за границы...
Рѣже свистъ ружейныхъ пуль...
Снять усиленный патруль...
Всѣ работаютъ заводы
Подъ защитой свободы...
Къ забастовкѣ не влечетъ...
Жизнь въ Москвѣ ровнѣй течетъ...
Удалился Севастьяновъ,
Въ интендантствѣ нѣтъ обмановъ
И не нажилъ ничего
Отъ овса Пьеръ Дурново.

Телеграммы.

(Срочныя).

Отъ г. Дубасова г-ну Дурново.
Нѣту войска! Нѣтъ патроновъ!
Нѣту жизненныхъ припасовъ!
Море крови! Море стоновъ!
Я тону въ Москвѣ...

Дубасовъ.

Отъ г. Дурново г-ну Дубасову.
Море крови?! Я не стану
Говорить вамъ ничего!
Вѣдь плыву-жъ по океану,
Не тону я...

Дурново.

Отъ г. Дубасова къ г-ну Дурново.
Жду отвѣта телеграфомъ!
Посоветуйтесь хоть съ графомъ!
Повторяю,—нѣтъ запасовъ!
Выручайте... *Вашъ Дубасовъ.*

Отъ г. Дурново графу Витте.

Адмиралъ Дубасовъ пишетъ,
Что въ Москвѣ онъ еле дышетъ,
Что сидитъ безо всего...
Чѣмъ помочь бы?!

Дурново.

Отъ гр. Витте г-ну Дурново.

Я не вѣрю: быть обману:
Шутить вѣрно телеграфъ...
Чрезвычайную охрану

Могъ ввести онъ. *Витте графъ.*

Отъ г. Дурново г-ну Дубасову.

Графъ отвѣтилъ очень грозно:
Есть «охрана» для того:
Коль въ Москвѣ еще не поздно
Объявляйте!

Дурново.

При передачѣ послѣдней телеграммы про-
изошло замѣшательство: явились телегра-
фисты - забастовщики «снимать» товари-
щей съ работы. Телеграмма была передана
спѣшно:

Г-ну Дубасову отъ г-на Дурново.

Графъ отвѣтилъ: слишкомъ поздно,
И охрана ничего:
Развилось движеніе грозно!
Убѣгайте.

Дурново.

Телеграфъ забастовалъ.

Перехватилъ В. Троф...

Вопросы и отвѣты.

— Какой національности былъ Адамъ?
— Еврей, такъ какъ онъ первый былъ
лишенъ права жительства.

Какъ то у сынишки вздумалъ я спросить:
— Кѣмъ, Ванюша милый, ты желаешь быть?
— Хулиганомъ, папа,—былъ его отвѣтъ.
Ишь какой мальчишка умный съ малыхъ
лѣтъ!

Мефистофель.

Первымъ-совѣтникомъ будешь ты у трона.

Фаустъ.

Нѣтъ, напрасно мнѣ славу сулить.
Только покой я хочу возратить.

Довольно воззваній,
Довольно возстаній,
Хочу я порядокъ
Въ странѣ водворить.
Кадеты, эсеры,
Крестьяне и пѣры—
Мнѣ сталъ очень гадокъ
Весь этотъ синклитъ.
Рѣши же загадку,
Верни насъ къ порядку,
На мѣсто смятенія
Покой водвори.
Затми пробужденіе
Кровавой зари!

Мефистофель.

Ну, что-жъ, капризъ исполню я,
Но послѣ очередь твоя.

Фаустъ.

Какую жъ плату ты назначишь?

Мефистофель.

Здѣсь будешь веселъ, тамъ заплачешь.

*Указываетъ въ неопредѣленное простран-
ство, въ которомъ рисуется ничто вроде
суда потомства и истории.*

Фаустъ смущенно.

Какъ, тамъ?

Мефистофель.

Совѣтъ я дамъ.

Что-жъ, другъ-премьеръ, тебѣ что надо,
Зачѣмъ ты звалъ меня изъ ада?
Боишься ты?

Фаустъ.

Зачѣмъ бояться!

Мефистофель.

Не вѣришь силѣ?

Фаустъ.

Можетъ статься.

Мефистофель.

Такъ испытай же!

Фаустъ.

Нѣтъ, уйди!

Мефистофель.

Любезный мой, нѣтъ погоды.

Диктаторъ я, со мной шутить

Тебѣ, повѣрь, я не позволю.

И полномочья сократить

Теперь въ твою не входить волю.

Ты звалъ меня, и я пришелъ

Смирить мятежный произволъ

И повернуть въ удѣлъ старинный долю.

Фаустъ.

Что можешь дать ты мнѣ?

Мефистофель.

Все. Пожелай, и я исполню.

Портфель твой рентой я наполню.

Фаустъ.

Что мнѣ дѣлать съ рентой несчастной!

Мефистофель.

Хотѣлъ короны ты мечтою страстной.

Фаустъ.

Натерла лобъ мнѣ графская корона!

До 19го апреля 1861^{г.}

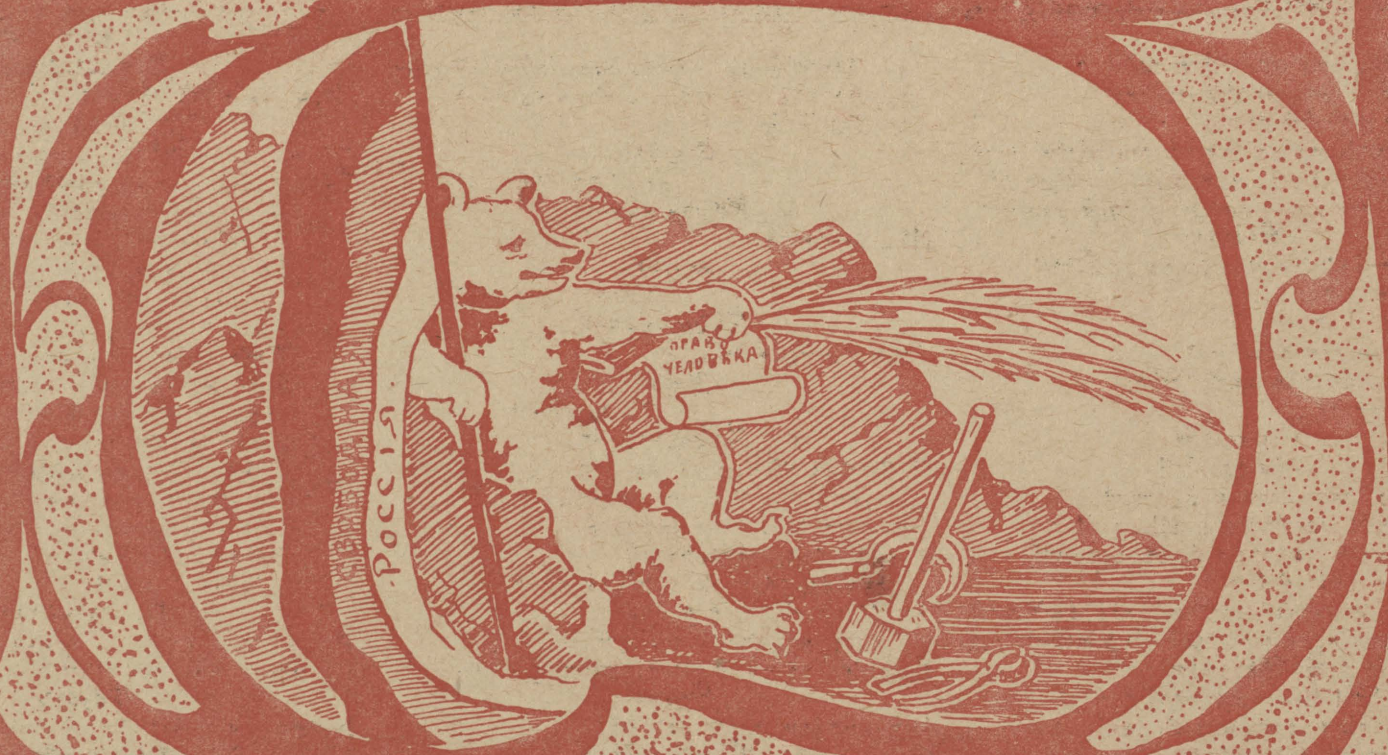
До 1905 года.

9 января 1905.

Конец 1905 г.

Современная жизнь

За преступленьем—преступление,
За тревоженьем—тревоженье,
За манифестом—манифесты
И за арестами—аресты...
За покушеньем—покушение,
За избеньем—избьенье
И за цензурою—цензура...
Въ грядущемъ только—диктатура.

В. Т-овъ.

Изъ записной книжки мирового судьи.

Перечитываю на досугъ свой уставъ о наказаніяхъ. Что дѣлать? Работы мало, вся теперь у слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ. А привлечь бы не мѣшало многихъ, и очень многихъ. Какую статью ни возьми, такъ и есть! Кѣмъ-нибудь да нарушена! И чего только полиція смотритъ! Того и гляди, всѣ сроки давности пропуститъ.

Записать развѣ, для памяти?

Ст. 33. За порчу или истребленіе выставленныхъ, по распоряженію законныхъ властей, гербовъ, надписей или объявленій, и т. д.

Жаль! Треповъ, кажется, успѣлъ изъ Петербурга выхвать.

Ст. 36. За нарушеніе порядка при торжественныхъ шествіяхъ или празднествахъ... Флигель-адъютантъ Минъ, кажется, вернулся.

Ст. 131¹. За грубость противъ нанимателя и членовъ его семейства..

Непремѣнно привлеку Дурново.

Ст. 120. За держаніе дикихъ звѣрей безъ соблюденія мѣръ и т. д., а равно за выпускъ ихъ, по неосторожности, изъ мѣстъ содержанія...

Справиться, кто непосредственное начальство корнета Фролова (теперь уже поручика).

Ст. 122. За травленіе чловѣка собакою или другими животными...

Привлеку Шарапова, привлеку Суворина.. и мало ли еще кого.

Ст. 37. За распространеніе ложныхъ слуховъ, возбуждающихъ безпокойство въ умахъ...

Старшимъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника» недавно назначенъ С. Татищевъ.

Ст. 126. За перевозъ людей въ ветхихъ или худыхъ лодкахъ...

Разыскать Адмирала!

Ст. 39. За нарушеніе порядка въ публичныхъ собраніяхъ...

Дедюлинъ.

Ст. 124. За неприставленіе подпоръ къ ветхимъ заборамъ...

По частной жалобѣ Витте—все общество.

Ст. 90. За сожиганіе фейерверка или иллюминаціи безъ соблюденія установленныхъ правилъ...

О чемъ же думать въ Твери, въ Θεодосіи, въ Томскѣ...

Ст. 43¹. За причиненіе домашнимъ животнымъ напрасныхъ мученій...

Крестьяне экономіи графа Бобринскаго и иныхъ прочихъ мѣстъ.

Ст. 110. За устройство боенъ безъ соблюденія установленныхъ правилъ...

Боже мой, сколько извѣстныхъ именъ!

Нейггардъ Роговичъ, Курловъ и Скалонъ...

И всѣ сродники ихъ.

Ст. 119. За несоблюденіе надлежащей осторожности при бросаніи камней или иныхъ твердыхъ предметовъ...

Попалась и ты, боевая организація.

Ст. 49. За прошеніе милостыни, по лѣни и привычкѣ къ праздности.

Ст. 50. То же, съ дерзостью и грубостью, или съ употребленіемъ обмановъ...

Написать въ Берлинъ, Мендельсону, чтобы скорѣе подавалъ жалобу.

Ст. 70. За порчу тротуаровъ, мостковъ, мостовыхъ, или находящихся на нихъ перилъ, столбовъ, деревь...

Вотъ и московскіе революціонеры подъ статью попали.

Ст. 56. За свозъ мусора, нечистотъ или палаго скота не въ назначенное для того мѣсто...

Ну, а какъ считать кабинетъ? Назначеннымъ мѣстомъ, или нѣтъ? А штрафъ

Вотъ это положенье.

Оно внесетъ успокоенье.

Вынимаетъ изъ кармана правительственное сообщеніе объ объявленіи всей Россіи въ осадномъ положеніи. Фаустъ въ испугъ отшатывается, несмотря на усиленные знаки, которые дѣлаетъ ему, высунувшись на полувину изъ сфлёрской будки, г. Дурново.

Мефистофель.

Твои сомнѣнія напрасны.

Отдергиваетъ занавѣсъ. За нимъ показывается Россія, въ оковахъ, съ завязаннымъ ротомъ, окровавленная, измученная нагайками, изнасилованная казацкими ордами. На горизонтѣ безконечный рядъ высланныхъ и въ зарѣвѣ пожаровъ черными точками ржутъ вороны.

Мефистофель.

Неправда ли, она прекрасна?

Фаустъ нѣсколько минутъ любуется картиной въ безмолвномъ восхищеніи. Затѣмъ рѣшительно обращается къ Мефистофелю.

Фаустъ.

Валая!

Мефистофель.

Пиши!

Я поздравляю отъ души.

Теперь возьми ты чашу

И пей за лигу нашу.

Въ ней спирта нѣтъ,

Въ ней яду нѣтъ,

Въ ней лишь миръ и совѣтъ.

Подавая Фаусту чашу, нажимаетъ пу-

жину. Изъ чаши съ трескомъ и шипеньемъ брызжетъ фейерверкъ, но такъ какъ онъ приготовленъ не въ швейцарской лабораторіи, а на рускомъ казенномъ заводѣ, то ни малѣйшаго вреда дѣйствующимъ лицамъ онъ не причиняетъ.

Фаустъ.

О, образъ милый,
Меня ты плѣнилъ,
Хоть пусть мой кубокъ,
Я пью изъ всѣхъ силъ.

Въ то время, какъ Фаустъ пьетъ, Мефистофель дѣлаетъ манческіе жесты и приплясываетъ въ него изъ пулемета.

Мефистофель.

Разъ, два, три... Пли!!

Съ Фаустомъ происходитъ необычайное превращеніе. Его графская корона обращается въ жандармскій киверъ. Министерскій халатъ сваливается съ плечъ и Фаустъ выходитъ на авансцену въ полной формѣ шефа жандармовъ, въ сапогахъ со шпорами и съ нагайкой въ рукѣ.

Фаустъ.

Увижу ли ее?

Мефистофель.

Увидишь!

Фаустъ.

Скоро-ль?

Мефистофель.

Хоть сегодня!

Фаустъ.

Идемъ же!

Оба.

Идемъ же!

Фаустъ.

Довольно воззваній,
Довольно возстаній,
Хочу я порядокъ
Странѣ возвратить.
Кадеты, эсеры,
Крестьяне и пѣры,
Мнѣ сталь очень гадокъ
Весь этотъ синклитъ.

Мефистофель.

Рѣшу я загадку,
Верну все къ порядку,
Рѣшительно, смѣло,
Покой водворю.
И кровью народной,
Мятежной, негодной,
Залью я умѣло
Свободы зарю

Оба.

Не стало терпѣнья,
Долой убѣжденья,
Дрожите, народы,
Вамъ кара грозитъ.
Тотъ славу добудетъ,
Кто совѣсть забудетъ
И факель свободы
Въ крови погаситъ!

Занавѣсъ въ ужасѣ падаетъ.

(Продолженіе послѣдуетъ въ случаѣ надобности).

Квакъ.

вѣдь полагается до трехъ рублей „съ каждой скотины“.

Ст. 62. За отлучку за границу безъ вѣтія установленнаго паспорта...

Кого-нибудь непременно придется привлечь.

Вопросъ только, кого и скоро ли.

Ст. 173 и 174. Разные виды мошенничества.

Всѣхъ придется привлечь.

Ст. 169. За кражу, на сумму не свыше трехсотъ рублей.

Никого не привлечешь. Столько никто не красть!

На этомъ замѣтки судьи обрываются. Дальше идутъ безсвязные отрывки, вродѣ: „Особо важныя, особо важныя... Камышанскій, Камышанскій, Камышанскій... 103, 103, 103103... Ду... ду... ду...“ и тому подобный вздоръ.

Списалъ

Квакъ.

«Сынамъ отечества.»

Страшный опытомъ сознанья,
Бодро всталъ народъ-судья.
Сгиньте черви пресмыканья,
Вспыхни яркій свѣточъ дня,
Охвати блестящимъ взоромъ
Просвѣтленный чистый міръ:
Заклейми и ты позоромъ
Опрокинутый кумиръ!!

Хулиганъ и городской.

Молвилъ гордо хулиганъ:

— „Нынче призваны на службу
Мы въ столицѣ для охранъ...
Заведете съ вами дружбу...
Вы поймете скоро сами,
Что нѣтъ разницы межъ нами!“
— „Какъ же глупъ ты погляжу;
Я помѣсячно служу,
Ты-жъ на платѣ разовой!“
Отвѣчалъ городской.

В. Т-овъ.

Два Генерала.

(Сказка).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были два генерала. Генералы были хорошіе, настоящіе генералы. Одинъ многолюднаго города начальникомъ былъ, а другой цѣлой губерніей правилъ и первый у него въ подчиненіи состоялъ. Жили генералы—дружно, хлѣбъ-соль водили, обывательское добро по любовно дѣлили и за свое житье-бытье Бога благодарили.

Какъ то генералы завтракали вмѣстѣ. Водочки выпили, семушкой, икоркой закусили, кулебячки жирныя покушали винцомъ иностраннымъ запили и вдругъ ни съ того, ни съ сего на сытое брюхо заспорили, кто-де изъ нихъ народу милѣй, кого изъ нихъ обыватель больше любитъ. Спорили, спорили и наконецъ рѣшили, на улицу выйти и къ первому встрѣчному за разрѣшеніемъ ихъ спора обратиться.

Сказано, сдѣлано. Вышли, глядь у самага подвѣзда извозчикъ стоитъ и таково-то сладко на козлахъ дремлетъ. Толкнули его въ бокъ генералы. Встрѣпенулся извозчикъ, а какъ у видалъ предъ собой генераловъ, да еще полицейскихъ, обомлѣлъ отъ страха, глазища вытаращилъ, а слово съ языка не идетъ.

— Ты насъ не бойся, успокоилъ его

старшій генераль, тебя мы бить не будемъ, это право городскому предоставлено, а намъ своихъ генеральскихъ ручекъ объ твою неумытую морду марать не приходится.

Повеселѣлъ извозчикъ и хотѣлъ было уже на «мериканской шведкѣ» прокатить предложить; но былъ остановленъ генералами.

— Вотъ что другъ любезный, скажи ты намъ по совѣсти, котораго изъ насъ народъ болѣе любитъ, кто изъ насъ ему больше по сердцу.

Задумался извозчикъ, шапку снялъ, затылокъ почесалъ и погода отвѣтилъ;

— Позвольте мнѣ, ваши превосходительства, отвѣтомъ повременить, а пока вмѣсто него басню вамъ рассказать.

— Говори,—разрѣшили генералы:—дѣлать намъ все равно теперь нечего, позавтракали мы плотно, до обѣда еще далеко, кого нужно было выдрать—выдрали, вмѣсто подписей штампы у насъ заведены, значить времени свободнаго хватить.

— Заспорили у меня,—началъ извозчикъ:—какъ то сани съ дрожками, кого изъ нихъ лошадь больше любитъ, глядь, а она то около нихъ на дворѣ пасется.

— «Кого, молъ, ты изъ насъ больше любишь»,—лошадь спрашиваютъ.

Посмотрѣла та на нихъ толкливыми глазами, трянула гривой и отвѣтила:

— «Оба сволочь!»

Не стали больше слушать извозчика генералы и молча пошли домой. Говорятъ, что послѣ этого дружба ихъ еще тѣснѣе стала.

Коль не желаешь знать ни горя, ни печали,
Такъ въ политическомъ сотрудничай журналъ

И призъ получишь поощрительный—
Домъ предварительный.

Новаторъ.

* * *

Какъ въ старь и въ жизни современной
Творятся также чудеса:

Нагрѣтъ казну министръ надменный
Хотѣлъ поставкою овса.

Къ несчастью, вмѣсто казнокрада
Пріемкой вѣдалъ земскій тузъ.

И у властительнаго гада
Безстрашно вырвалъ жирный кусъ!..

Но кто же нынѣ вырветъ смѣло

Портфель министра у него,

Что бѣ злобой онъ закоренѣлой

Не „нагревалъ“ ужъ никого?!

Веронъ де Нинъ.

За недѣлю

(мысли представителя партіи П. С. С. В.*)

Въ воскресенье—я весь за реакцію,
Въ понедѣльникъ—защитникъ свободъ,
Я во вторникъ—беру провокацію,
Въ среду съ ней избиваю народъ...
Я въ четвергъ—всей душой за монархію,
Но на пятницу я демократъ...
Я въ субботу иду за анархію,—
Въ воскресенье-жъ я вновь бюрократъ.

В. Т-овъ.

*) «По сколько сіе выгодно».

Пародія.

«Шопотъ, робкое дыханье»
Фетъ.

Тьма. Людскія очертанья.

Шопотъ. Западня.

Страхъ порядка, Созерцанье.

Тайный знакъ: Друзья!

Грязь. Туманъ. Людскія тѣни.

Тѣни безъ конца.

Запахъ винныхъ испареній.

Звѣрскій видъ лица.

Ножъ Дубины. Свистъ. Угрозы.

Стеколь звонъ. Заря.

Сгоны. Крикъ. Моленья. Слезы...

И рѣзня, рѣзня!

Забрѣло.

Загадка.

Съ начала ли, съ конца-ль—одно и тоже...
Отъ встрѣчи съ нимъ храни тебя, о Боже!
(Чкаловъ)

ХРОНИКА

Вышелъ въ свѣтъ первый номеръ обновленныхъ „Новостей“ (просятъ не смѣшивать съ „Правительственнымъ Вѣстникомъ“). За удаленіемъ изъ редакціи второстепенныхъ и фактивныхъ сотрудниковъ, которые занимались только писаніемъ передовыхъ, фельетоновъ, веденіемъ всѣхъ отдѣловъ и т. п. пустяками, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляя крайне неблагонадежный и, по заявленію редактора, прямо крамольный элементъ, въ газетѣ принимаютъ теперь участие только ея фактическіе вдохновители-сотрудники: т. сов. Плешевскій-Глющикъ (отличившійся на службѣ въ департаментѣ полиціи своевременнымъ отысканіемъ Геси Гельфманъ), Рачковскій (бывшій парижскій корреспондентъ „Новостей“ и департамента полиціи), Манасевичъ-Мануйловъ (начальникъ иностранной охраны), Гинзбургъ (онъ же, съ Высочайшаго разрѣшенія, Владимировъ, секретарь «Вѣдомостей Петербургскаго Градоначальства»). Вопросъ о привлеченіи къ ближайшему участию въ редакціи г. Бурдеса отложенъ до наведенія о немъ справокъ у русской колоніи въ Парижѣ.

Прим. ред. Не понимаемъ, что случилось съ нашимъ сотрудникомъ. Мы поручили ему доставить что-нибудь тонко-сатирическое, а онъ намъ сообщаетъ истинное происшествіе, безъ всякой примѣси собственнаго творчества!

Изъ партіи.

Въ Москвѣ состоялось соединенное засѣданіе боевой организациі двухъ фракцій черносотенцевъ и хулигановъ подъ предсѣдательствомъ убійцы Баумана. На этомъ засѣданіи было постановлено: 1) просить Дубасова вмѣстѣ съ ними немедленно дубасить интеллигенцію; 2) послать телеграмму министрамъ Дурново и «брату» Витте съ извѣщеніемъ объ избраніи ихъ въ почтенныя члены боевой партіи И. Р. Ч. Х. П. «истинно рус. черн. хулиг. пар.»; 3) по просьбѣ представителя Дурново отчислить Петру Дурново изъ награбленныхъ суммъ 1500 руб. на усиленіе пропаганды къ истребленію крамольниковъ и на-гардеробъ жены и въ 4 выразить порицаніе Дурново за кроткое обращеніе со Стаховичемъ при требованіи этихъ нужныхъ 1500 рублей.

Доставилъ Нео-Сильвестеръ.

Къ читателямъ.

1) Редакция намѣрена откликаться на всѣ выдающіяся явленія текущей жизни и на страницахъ журнала отмѣчать перомъ и карандашемъ всѣ тѣ факты общественной жизни, которые такъ или иначе могутъ явиться „знаменіемъ времени“.

2. Редакция *приглашаетъ* читателей сообщать подобные факты, не стѣняясь формой изложенія. Всякое сообщеніе, содержащее общественный интересъ, будетъ принято съ признательностью и использовано.

3) Могутъ быть прилагаемы фотографическіе портреты, которые, по минованіи надобности, будутъ возвращены доставившему.

4) Корреспонденція должна быть адресована на имя редактора-издателя.

Редакторъ-Издатель Г. П. ЭРАСТОВЪ

Открыта подписка на 1906 годъ
на еженедѣльный литературно-сатирическій журналъ

„БУРЕЛОМЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ СПБ. БЕЗЪ ДОСТАВКИ

въ годъ **3** рубля | съ доставкой и пересылкой во всѣ города Рос. Имперіи **5** рублей | ¹/₂ года **3** рубля.

Журналъ выходитъ еженедѣльно не менѣе 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается не менѣе 6 рисунковъ на политическія и общественныя злобы дня.

Для ознакомленія высылается одинъ изъ номеровъ журнала за двѣ семикопеечныя марки. Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Первый № вышелъ 18 Декабря.

Подписка принимается въ конторѣ журнала Спб., Невскій 112.
Редакторъ-издатель Г. П. Эрастовъ.

Къ читателямъ.

1) Редакція намѣрена откликаться на всѣ выдающіяся явленія текущей жизни и на страницахъ журнала отмѣчать перомъ и карандашемъ всѣ тѣ факты общественной жизни, которые такъ или иначе могутъ явиться „знаменіемъ времени“.

2. Редакція *приглашаетъ* читателей сообщать подобные факты, не стѣсняясь формой изложенія. Всякое сообщеніе, содержащее общественный интересъ, будетъ принято съ признательностью и использовано.

3) Могутъ быть прилагаемы фотографическіе портреты, которые, по минованіи надобности, будутъ возвращены доставившему.

4) Корреспонденція должна быть адресована на имя редактора-издателя.

Адресъ редакціи: Спб., Николаевская, 2.

Редакторъ-Издатель Г. П. ЭРАСТОВЪ

Открыта подписка на 1906 годъ
на еженедѣльный литературно-сатирическій журналъ

„БУРЕЛОМЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ СПБ. БЕЗЪ ДОСТАВКИ

въ годъ **3** рубля | съ доставкой и пересылкой во всѣ города Рос. Имперіи **5** рублей | $\frac{1}{2}$ года **3** рубля.

Журналъ выходитъ еженедѣльно не менѣе 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается не менѣе 6 рисунковъ на политическія и общественныя злобы дня.

Подписка принимается въ конторѣ журнала Спб., Невскій 112.
Редакторъ-издатель Г. П. Эрастовъ.